

«НЕИЗЪЯСНИМЫЙ» И «НЕПОСТИЖНЫЙ»

Из этюдов о Пушкине и Пушкинском Словаре

Памяти моего сына Льва
† 3/16 января 1929 г.

I

Пушкин ясен во всем многообразном смысле этого прекрасного русского слова. Он — ясный день и он — ясный сокол. Он живой и могучий образ творческой гармонии и ясности, он красота и мера. Пророчески-ободрительно и в то же время на всех деятелей русской культуры налагает величайшую ответственность, что в начале русской подлинно национальной, самобытной литературы стоит этот спокойный великан ясной и мерной красоты.¹⁾

А в то же время какое было любимое понятие и слово у ясного Пушкина?²⁾

Для Пушкина «небо блещет не и з ъ я с н и м о й синевой.»³⁾ Значит, для него и в глубине спокой-

1) Я пользуюсь здесь и ниже некоторыми мыслями, выражениями и примерами из своей речи «Русская наука в истории русской культуры», произнесенной в 1921 г. на первом пражском съезде русских ученых и напечатанной в «Возрождении» от 7-го июня 1926 г., и из своих «Заметок писателя: 3. Русский язык. — Очистители и засорители» («Возрождение» от 29 апреля 1926 г.). Ср. также статью «Именем Пушкина» в «Возрождении» от 7 июня 1926 г.

2) Интересно было бы проследить употребление слова «ясный» у Пушкина. Но об этом в другой раз и в другом месте.

3) Кто знает край, где небо блещет
Не и з ъ я с н и м о й синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет... (1827 г.)

ной и ясной небесной тверди есть что-то, при всей яркости и блеске, неизъяснимое, таинственное. Но и в глубинах человеческой души, с ее смятениями и волнениями, скрываются для взора поэта те же н е и з ъ я с н и м ы е, таинственные вещи:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Н е и з ъ я с н и м ы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог.
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.
Итак — хвала тебе, чума!

(«Пир во время чумы», 1830 г.)

Или:

Оставил я людское стадо наше,
Дабы стеречь ваш [богов П. С.] огонь уединенный,
Беседаю один с самим собой...
Часы н е и з ъ я с н и м ы х наслаждений!
Они дают нам знать сердечну глубь,
В могуществе и в немощах сердечных
Они любить, лелеять научают
Не смертные, т а и н с т в е н н ы е чувства,
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя.

(Набросок 1829 г.)

В свое время я уже указал, что едва ли не Карамзин у к о р е н и л в русском литературном языке это любимое пушкинское слово «неизъяснимый», мистически характерное для величайшего русского гения. Из Карамзина и приведу один только поздний пример. О побежденных русским упорством и русской зимой французах Карамзин пишет:

Как в безднах темной Адской сени
Толпятся осужденных тени,
Под свистом лютых Эвменид:
Так сонмы сих непобедимых,
Едва имея жизни вид,
В страданиях неизъяснимых
Скитаются среди лесов;
Им пища лед, им снег покров.

(1814 г.)⁴⁾

Но первый автор, у которого я встретил слово «неизъяснимый», — Державин. В его знаменитой оде «Бог» есть стих:

Неизъяснимый, непостижный.

Тут рядом два прекрасных русских речения, которые мы привыкли связывать с Пушкиным.

II

Остановимся пока на первом из этих речений.

Слово «неизъяснимый» есть не столько перевод, сколько передача французского *ineffable*, которое в свою очередь есть уже перевод греческого *arretos*⁵⁾.

Французский язык слово *ineffable* заимствовал (или удержал) из поздней латыни и, в частности и в точности, из языка Блаженного Августина и церковного поэта Пруденция⁶⁾. А от Августина и Пруденция его заимствовала вся средневековая латинская литература, и в особенности та, к которой прилагается

⁴⁾ «Освобождение Европы и Слава Александра I». В Смирдинском издании т. I, СПб. 1848 г., стр. 238-254. Едва ли не последнее стихотворение Карамзина. «Непобедимых» подчеркнуто в оригинале; «неизъяснимых» — мною. П. С.

⁵⁾ Словам *arretos*, resp. *aneklaetos*, как и *ineffabilis*, собственно соответствуют славяно-русские речения «неизречен[ный]» и «неизглаголан[ный]». Ср. Словари Востокова и Миклошича. У этих слов, кроме первичного и буквального, есть вторичное, так сказать, углубленное значение, указующее на таинственность, мистичность. Такие же два значения и к эпитету «неизъяснимый».

⁶⁾ Впрочем, впервые это слово встречается, кажется, у Плиния Старшего.

наименование «схоластической», эта подлинная сокровищница и мастерская самых сильных и самых поэтических речений, которыми располагает человечество.

И вот что примечательно: державинские эпитеты Бога: «неизъяснимый, непостижный», именно в этом сочетании одного рядом с другим, мы находим не у кого иного, как у Декарта, который сказал: «*Dieu est ineffable parsequ'incompréhensible*»⁷⁾. Декартовское же словосочетание надлежит возвести к словоупотреблению схоластическому и святоотеческому, в свою очередь опирающемуся на понятия и выражения греческой философской литературы⁸⁾.

Но уже после того, как я ознакомился с сопоставлениями «Схоластико-картезианского указателя» Жильсона, мне удалось установить, что декартовская формула уже на французском языке была предвосхищена Ж а н о м А н т у а н о м д е Б а и ф о м (*de Baïf*), одним из «Плеяды», умершим за семь лет до рождения Декарта:

Dieu donques est Dieu l'ineffable
Dieu que nul mortel ne conçoit.⁹⁾

⁷⁾ По изданию *Adam et Tannery*, t. III, p. 284.

⁸⁾ Этьен Жильсон (*Gilson*) в своем *Index scolastico-cartésien*, Paris, 1913, где этот первостепенный знаток средневековой философии, обращаясь к книгам библиотеки коллеги *La Flèche*, в котором учился Декарт, систематически прослеживает его словесные и идейные заимствования у схоластиков, отсылает (l. c., p. 146) тут к *Suarez Met. disp. 30, 13, 1: non solum sancti patres (quod in eis est frequentissimum) sed etiam philosophi hanc excellentiam Deo tribuerunt esse scilicet ineffabilem*. Далее у Суареца следуют ссылки на Платона, цитируемого св. Григорием Назианзином, и на Гермеса Трисмегиста, цитируемого св. Кириллом Александрийским.

⁹⁾ *Mimes*, f 39 r, ed. 1597, цитировано у *Frédéric Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue française. Tome X (Complément)*, Paris 1902, sub voce. Ж. А. де-Баиф (1522-1589) — незаконный сын Лазаря де-Баифа, дипломата и гуманиста (род. 1496 † 1547), ученика Иоанна Ласкариса. Де-Баиф-сын был моложе Ронсара, но раньше его погрузился в греческую учебу у гуманиста (*Auratus*, † 1588), который сделался учителем и Ронсара. Ср. о гуманизме «Плеяды» и об отношениях на этой почве Ронсара и де-Баифа у *Pierre de Nolhac, Ronsard et l'humanisme*. Paris 1921.

Формулировка Декарта, может быть, является прямой «реминисценцией» из де-Баифа, и весьма возможно, что такую же «реминисценцию» мы находим и у Державина. Правда, в эпоху, когда развивался и действовал Державин, французская поэзия XVI века, с Ронсаром во главе, и в самой Франции находилась в незаслуженном забвении (и это продолжалось до Пушкина и отразилось на нем, см. его отзыв о Ронсаре), но ведь французские поэты-гуманисты XVI века были не только поэтами своего народа и века, но и выразителями целой культурной эпохи, основной капитал которой, изучение и восприятие эллино-римской культуры во всем ее объеме,¹⁰⁾ в известной мере перешел по наследству к XVII веку с т. н. «ложным классицизмом» и к его преемнику, веку XVIII. Во всяком случае, книжные источники и литературные образцы державинской оды «Бог» и всего его творчества подлежат еще систематическому обследованию.

III

В отличие от эпитета «неизъяснимый», «непостижный» есть слово церковное и внесено в русскую литературную речь прямо из языка церковно-славянского (оно встречается и теперь в языке богослужения. Ср. древнейшие ссылки *sub vocibus* в Словарях Востокова и Миклошича, а также словари Памвы Беринды и Федора Поликарпова).

У Пушкина в стихотворениях это слово встречается, кажется, один раз (в прозе, кажется, вовсе не встречается):

10) Ж. А. де-Баиф писал стихи не только французские, но латинские и даже греческие. Под конец своей жизни он разочаровался именно в своем поэтическом творчестве на французском языке и усиленно ударился в писание латинских стихов.

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Не постижн о е уму —
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

(«Сцены из рыцарских времен», 1836 г.)

В первоначальном, более раннем наброске этого стихотворения соответствующие две строчки имели, повидимому, такой вид:

Он имел одно виденье
Непонятное ему.

Эпитет «непостижный» встречается нам прежде всего у Тредьяковского.¹¹⁾ К началу 30-х годов относится изучение Пушкиным Тредьяковского по собственному пушкинскому экземпляру издания его стихотворений 1752 г. Весьма возможно, что именно это свежее изучение Тредьяковского натолкнуло взор и слух такого любителя и мастера выразительного слова, как Пушкин, на эпитет «непостижный». С точки зрения литературного языка было бы вообще весьма поучительно сопоставить словарь Пушкина со словарем Тредьяковского, с произведениями которого при-стальное знакомство Пушкина в пору его полной зрелости точно удостоверено. Правда, мы должны тотчас

11) В оде XVI «Парафразис псалма 143: Благословен Господь Бог мой». («Сочинения и переводы как стихами, так и прозою», том II, СПб. 1752 г., стр. 97. Это произведение было впервые напечатано в книжке, изданной в 1744 г. в СПб.: «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные через трех стихотворцев» (Тредьяковского, Ломоносова и Сумарокова) и перепечатанной А. А. Куником в его «Сборнике материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII в.», ч. II, СПб. 1865 г. В переложении псалма 143 только у Тредьяковского встречается слово «непостижный» как эпитет Бога.

же заметить, что эпитет «непостижный» мы находим не только у Тредьяковского, но несколько позже и у Ломоносова¹²⁾; у последнего встречается, кроме того, и форма «непостижимый» (в надписи 1754 г. на раку Св. Димитрия Ростовского и тут именно — как эпитет Бога).

Таким образом, в наших двух эпитетах словарь Пушкина явно восходит к его отдаленным предшественникам: к Державину, Ломоносову и Тредьяковскому. Не будем здесь говорить об отношении Пушкина к Ломоносову и Державину; отметим, что относительно высокая оценка Пушкиным Тредьяковского, которого в те времена осмеивали, да и теперь принято осмеивать, не читая, навеяна была Радищевым¹³⁾. Но Пушкин пошел даже дальше Радищева, сказав, что «изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей»¹⁴⁾. С этим можно не соглашаться: Пушкин был исторически неправ в отношении Сумарокова и его языка, но в то же время нельзя не признать, что Тредьяковский в самом деле был замечательным явлением в истории русской образованности вообще и русского языка в особенности. В частности, в отношении словаря

12) Переложение псалма 145: «Блажен., кто себя вручает Всевышнему... и в помощь призывает живущего на небесах, несчетно многими звездами наполнившего высоту и не постыжными делами земли и моря широту» (цит. по «Сочинениям М. В. Ломоносова в стихах». Издание А. Ф. Маркса, под редакцией Арс. И. Введенского, СПб, 1893 г., стр. 21). Первоначально появилось это переложение в «Риторике» Ломоносова, изд. 1748 г.

13) Говоря, что «в Тилемахиде находится много хороших стихов и щастливых оборотов», Радищев написал о них целую статью («Мысли на дороге» 1833-1834 гг., там же весьма отрицательное суждение Радищева о Ломоносове как поэте), Пушкин имеет в виду «Памятник дактилохореическому витязю» и т. д., перепечатанный теперь в издании В. М. Саблина под редакцией В. В. Каллаша, т. II, Москва 1907 г., стр. 393 и сл.).

14) Об отношении Пушкина к Тредьяковскому примечание В. Л. Модзалевского к письму № 265 в его собрании «Письма» Пушкина, т. II. (СПб. 1928 г.), стр. 274.

Тредьяковский — и по интересу Пушкина к этому словарю и по другим основаниям — заслуживает самого тщательного исторического изучения: как я покажу в другом месте, он является подлинным творцом русской философской терминологии, которая вовсе не была и в пушкинское время столь молода, как думал сам Пушкин, предлагая кн. П. А. Вяземскому заняться работой над созданием русского «метафизического» языка,¹⁵⁾ — в истории его после Тредьяковского надлежит отвести значительное место не кому иному, как Радищеву, в особенности как автору трактата «О человеке, о его смертности и бессмертии».

IV

Для всякого настоящего художника, творца образов или творца мыслей, слово есть не внешнее орудие, а носитель живого смысла. Оно полновесно и жизненно.

Так и у Пушкина. Речение «неизъяснимый»¹⁶⁾ исполнено у него глубокого смысла. Можно даже сказать, что именно Пушкин придал этому русскому слову-понятию его углубленный, всеобъемлюще-мистический смысл. Из отрицательного эпитета (Бога), т. е. из богословского термина, и из неопределенно-чувствительного определения, Пушкин превратил его в

¹⁵⁾ См. письмо от 1-го сентября 1822 г.: «Образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах». Ср. письмо от 13-го июня 1825 года и примечание к этому письму Б. Л. Модзалевского.

¹⁶⁾ Интересно было бы проследить употребление этого слова у других писателей, в стихах и прозе, после Державина и Карамзина, в особенности у Жуковского и Батюшкова. Но здесь мы этим не будем заниматься. Отметим только, что ближайший друг Пушкина и превосходный стилист П. А. Плетнев говорит в 1825 г. о «неизъяснимом» простодушии Хемницера и о «неизъяснимой» прелести «Кавказского Пленника» (Пушкина) — в том замечательном «Письме к графине С. И. С. о русских поэтах», которое, едва ли не первое в печати, отдает должное гению и историческому значению Пушкина (напечатано в «Северных Цветах» за 1825 г., собранных бароном Дельвигом, изданных Иваном Слениным, стр. 24 и 43).

слово, обозначающее какую-то предельную для ясного человеческого познания и разумения таинственную черту и тем указующее на мистическую основу бытия, как такового.

Тут на этом примере видно, как изучение словаря писателя приводит не только к установлению смысла отдельных употребляемых им слов, но и к истолкованию существенных мотивов его творчества. Сдержанное и стыдливое, далекое от всякой сентиментальности, признание таинственности всякого и всего бытия есть столь же основная и могущественная стихия пушкинского творчества, как и «классическая» ясность. Более того, обе эти стихии в Пушкине со-относительны и со-размерны. Чем яснее и отчетливее видит, чем красочнее пишет, чем выпуклее лепит Пушкин, тем более близко и более властно подводит он нас к черте, за которой лежит неизъяснимое и начинается тайна.

Пушкин, поэтому, не классик и не романтик в общепринятых смыслах этих обозначений. Рисунок Пушкина точен, его лепка строга и выразительна — без холодности «классицизма». Его краски яркие, его фантазия богата, его чувствительность¹⁷ (если это слово применимо к Пушкину) мужественна — он свободен от узорочной пестроты, от кричащих красок, от чрезмерности и расслабленности современного ему «романтизма».

Пушкин заодно пластичен и мистичен.

Он заодно ясен и неизъясним.

Белград, Апрель 1929 г.

¹⁷ Именно этим словом Плетнев характеризует Пушкина в выше упомянутой статье-письме 1825 г. Ср. также полемику в том же году между кн. П. А. Вяземским, в «Московском Телеграфе», и автором «Писем на Кавказ», в «Сыне Отечества», о чувствительности Жуковского и Пушкина. Ср. Б. Л. Модзалевский в примечании к письму № 144 в его собрании «Писем» Пушкина, т. 1, СПб. 1926 г., стр. 436.

П. Б. СТРУВЕ

ДУХ И СЛОВО

Статьи о русской
и западно-европейской литературе

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève
75005 PARIS